НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ ДОПРОСА И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ И НОРВЕГИИ

Зиёдуллоев Абдулазиз Зафарович
Магистр юриспруденции, независимый исследователь
e-mail: ziyodullaev04@gmail.com
Тел.: +998-90-126-12-21
https://doi.org/10.5281/zenodo.23324750

Аннотация: В работе исследуются норвежская модель следственного интервью KREATIV и особенности нормативно-правового регулирования допроса в Федеративной Республике Германия, предусмотренные статьями 136 и 136а УПК ФРГ. Анализируются психологические подходы к предотвращению ложных признаний, а также законодательные запреты на применение принуждения, утомления, обмана и других недопустимых способов воздействия на допрашиваемого. По результатам исследования обозначены перспективные направления адаптации норвежского и германского опыта к уголовно-процессуальному законодательству Республики Узбекистан.
Ключевые слова: метод KREATIV, допрос, запрещенные методы допроса, недопустимые доказательства, процессуальные гарантии.

Аннотация: Мақолада Норвегиянинг KREATIV тергов интервьюси модели ҳамда Германия Федератив Республикаси Жиноят-процессуал кодексининг 136 ва 136а-моддаларида белгиланган сўроқ қилишни норматив-ҳуқуқий тартибга солиш хусусиятлари тадқиқ этилган. Сохта икрорлик кўрсатувларининг олдини олишга қаратилган психологик ёндашувлар, шунингдек, сўроқ қилинувчига нисбатан мажбурлаш, толиқтириш, алдаш ва бошқа йўл қўйиб бўлмайдиган таъсир кўрсатиш усулларини қўллашни тақиқловчи қонун нормалари таҳлил қилинган. Тадқиқот натижаларига кўра, Норвегия ва Германия тажрибасини Ўзбекистон Республикасининг жиноят-процессуал қонунчилигига мослаштиришнинг истиқболли йўналишлари белгиланган.
Калит сўзлар: сўроқ KREATIV методи, сўроқ қилиш, сўроқ қилишнинг тақиқланган усуллари, мақбул бўлмаган далиллар, процессуал кафолатлар.

Abstract: The article examines Norway’s KREATIV investigative interviewing model and the specific features of the legal regulation of interrogation under Articles 136 and 136a of the German Code of Criminal Procedure (StPO). It analyzes psychological approaches to preventing false confessions, as well as statutory prohibitions on the use of coercion, exhaustion, deception, and other impermissible methods of influencing the person being questioned. Based on the findings, promising directions for adapting Norwegian and German experience to the criminal procedure legislation of the Republic of Uzbekistan are identified.
Keywords: KREATIV method, interrogation, prohibited interrogation methods, inadmissible evidence, procedural safeguards.

Современное развитие института допроса в уголовном процессе предполагает интеграцию эффективных психологических методик проведения следственного интервью и правовых механизмов, обеспечивающих защиту прав участников судопроизводства. Международные стандарты определяют общие принципы гуманного обращения и соблюдения процессуальных гарантий, однако их практическое применение требует изучения как современных национальных подходов, в частности норвежской модели KREATIV, так и особенностей нормативного регулирования, присущих континентальной правовой системе, на примере законодательства Федеративной Республики Германия. В связи с этим настоящая работа направлена на анализ норвежского и германского опыта правового и тактического регулирования допроса, а также выявление возможностей использования наиболее эффективных положений указанных моделей в национальном законодательстве.

Развитие международного опыта в области следственного интервью находит свое наиболее прогрессивное воплощение в норвежской модели, которая интегрирует гуманистические стандарты и современные достижения психологии. Если британский метод PEACE выступил в качестве тактической основы, то норвежская методология KREATIV представляет собой его глубокое этическое и психологическое развитие, направленное на минимизацию рисков следственных ошибок.

Норвежский метод опроса KREATIV был разработан в 2004 году специалистами норвежской полиции совместно с ведущими учеными-психологами, как ответ на проблему получения ложных признаний в ходе досудебного производства. Название данного метода расшифруется следующим образом: коммуникация (Kommunikasjon), правовая определенность (Rettssikkerhet), этика (Etikk), ответственность (Ansvarsbevissthet), доверие (Tillit), информация (Informasjon) и верификация (Verifikasjon) [1].

Центральным положением метода KREATIV является отказ от признания вины как цели следственного интервью. В норвежской доктрине признание рассматривается не как приоритетное доказательство, а как потенциально ненадежный источник информации. Подчеркивается, что стремление к получению признательных показаний любой ценой усиливает стрессовое состояние опрашиваемого. В свою очередь, такое состояние опрашиваемого негативно влияет на когнитивные функции памяти и может привести к самооговору под влиянием психологического давления.

Вместо этого приоритетом становится получение максимально точного и детализированного описания событий, подлежащего последующей проверке с использованием объективных средств доказывания. Согласно позиции И. Фахсинга, норвежский подход основывается на «презумпции незнания» следователя, предполагающей, что субъект доказывания должен искренне искать информацию, а не пытаться подтвердить уже имеющуюся версию [2].

Метод KREATIV делает акцент на формирование устойчивого взаимодействия между следователем и опрашиваемым. Согласно исследованиям норвежских специалистов, проявление уважения и эмпатии к опрашиваемым (даже к лицам, подозреваемым в совершении тяжких преступлений), значительно повышает объем и достоверность добровольно предоставляемых сведений. Одновременно категорически

исключаются любые формы психологического давления, сарказма или доминирующего поведения, поскольку они разрушают коммуникативный контакт и снижают качество информационного обмена[3].

Метод KREATIV включает в себя использование продвинутых техник следственного интервью, направленных на оптимизацию процесса воспроизведения памяти опрашиваемого. Одним из базовых элементов выступает метод свободного вспоминания, при котором следователь практически не вмешивается в рассказ, используя лишь техники активного слушания.

Особое значение придается стадии верификации информации, в рамках которой полученные сведения анализируются на предмет внутренних противоречий, а также сопоставляются с иными объективными доказательствами. При выявлении расхождений следователь не обвиняет лицо во лжи, а использует технику «стратегического зондирования», предлагая лицу помочь разобраться в причинах расхождений, что нередко способствует уточнению показаний и их приближению к фактическим обстоятельствам.

Опыт Норвегии представляет значительный интерес для отечественной следственной практики в контексте реализации Принципов Мендеса, поскольку предлагает пути решения проблемы достоверности показаний на стадии расследования. В частности, он предполагает, во-первых, переход от оценки эффективности работы следователя по количеству дел, раскрытых на основе признательных показаний, к оценке по качеству собранной доказательственной информации, выдержавшей судебную проверку; во-вторых, внедрение в учебные планы подготовки следователей специализированных курсов по этическому интервьюированию и психологии памяти [4].

Обращение к континентальной правовой системе Германии позволяет рассмотреть институт допроса через призму строгой нормативной регламентации. В отличие от норвежского подхода, акцентированного на психологических аспектах допроса, немецкое уголовно-процессуальное законодательство сосредоточено на обеспечении неприкосновенности воли допрашиваемого. Ключевое значение в этой связи имеет ст. 136a УПК ФРГ (Strafprozessordnung) [5], который рассматривается как одна из наиболее детализированных норм, устанавливающих запрет на применение недопустимых методов допроса.

В основе данной нормы лежит принцип недопустимости любого воздействия, способного нарушить свободу формирования и выражения воли обвиняемого. Закон закрепляет исчерпывающий перечень методов, использование которых влечет недействительность полученных показаний. К ним относятся физическое воздействие и истязания (включая не только прямое причинение боли, но и создание дискомфортных условий, например, пребывание в неудобной позе, воздействие экстремальных температур или шума), а также утомление, выражающееся в проведении длительных, изнуряющих допросов без предоставления необходимого отдыха. Кроме того, категорически запрещено любое вмешательство в психофизиологическое состояние лица, включая применение медикаментов, психотропных веществ или иных средств, влияющих на сознание и память.

Наряду с этим УПК ФРГ запрещает использование обмана и дезориентации, в том числе сообщение ложной информации о доказательствах или правовых последствиях, а

также применение гипноза и иных форм внушения. Под запретом находятся любые виды принуждения, угроз или обещаний, выходящих за рамки закона, поскольку такие методы подрывают добровольность дачи показаний и влекут признание полученной доказательственной информации юридически недействительной [5].

Важной особенностью является третья часть статьи 136a УПК ФРГ [5], которая устанавливает запрет на использование показаний, полученных с нарушением вышеуказанных правил. Такие показания подлежат исключению из доказательственной базы и не могут быть учтены судом даже при согласии самого обвиняемого. Это фундаментальное отличие от многих других систем, где согласие может легализовать дефектный протокол.

Существенным элементом немецкой модели выступает процедура обязательного разъяснения прав, закрепленная в ст. 136 УПК ФРГ [5]. Следователь обязан до начала первого допроса сообщить лицу, в совершении какого именно преступления оно подозревается, а также разъяснить право на молчание, которое включает в себя право не свидетельствовать против самого себя (nemo tenetur se ipsum accusare). При этом данное право рассматривается не формально, а как активная обязанность государства обеспечить осведомленность лица о своих гарантиях. Нарушение данной процедуры, в частности невыполнение обязанности по разъяснению права на молчание или юридическую помощь, как правило, влечет исключение полученных показаний из числа допустимых доказательств.

Законодательство Германии последовательно развивает цифровые формы обеспечения процессуальных гарантий, закрепляя обязательность видеозаписи допроса при расследовании преступлений против жизни или иных тяжких преступлений, для защиты прав уязвимых категорий лиц (в частности, несовершеннолетних и жертв сексуального насилия), а также при наличии оснований полагать, что допрашиваемый не сможет участвовать в судебном разбирательстве [9]. В данном контексте видеозапись рассматривается не как вспомогательное средство, а как важная гарантия соблюдения законности, позволяющая суду оценить не только содержание показаний, но и условия их получения, включая отсутствие скрытого давления или чрезмерного утомления.

Анализ немецкого законодательства в области правовой регламентации процедуры допроса позволяет выделить ряд положений, представляющих интерес для совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства. К ним относятся закрепление детализированного перечня запрещенных методов допроса и введение эффективного судебного контроля за качеством аудиовизуальной фиксации, предполагающего оценку не только содержания показаний, но и условий их получения.

Проведенный анализ зарубежного опыта правовой регламентации допроса свидетельствует о формировании устойчивой международной тенденции перехода от обвинительных моделей к концепции следственного интервьюирования, основанной на научной обоснованности, уважении прав личности и обеспечении достоверности информации. Метод KREATIV раскрывает практическую реализацию международных стандартов, тогда как немецкая модель правового регулирования института допроса демонстрирует значимость нормативной регламентации, закрепляющей запреты и процессуальные гарантии. В совокупности данные подходы формируют комплексное

представление о допросе как способе получения проверяемой и надежной информации. Это обуславливает целесообразность поэтапной имплементации отдельных элементов данных моделей в отечественное законодательство с учетом национальных ценностей.

Список использованной литературы:

1. Rachlew A. Investigative Interviewing: The P.E.A.C.E. Model and the development of KREATIV in Norway // Journal of Police and Criminal Psychology. - 2021. - No. 36. - P. 457.
2. Fahsing I. The Psychology of Investigation: Decision Making and Investigative Interviewing. - Oslo: Norwegian Police University College Press, 2022. - P. 90.
3. Knutsson J., Partanen P. Investigative Interviewing: Modern Strategies and Human Rights // Scandinavian Studies in Law. - 2023. - Vol. 69. - P. 215.
4. Stagg S., Redlich A. D. The International Shift Toward Information-Gathering Interviews // Psychology, Public Policy, and Law. - 2024. - Vol. 30. - No. 1. - P. 72-81.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (Strafprozessordnung - StPO) с изм. и доп. на 2024 г. Научный перевод под ред. Головко Л. В.
6. Филимонов Б. А. Уголовный процесс ФРГ. М.: Издательство МГУ, 2023. С. 112-115.